ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС

ОРГАН ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
001397

12
1988

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБМЕН МНЕНИЯМИ

Общим курсом — к обновлению социалистического образа жизни 3

К. ЗАРДЫХАН (МНР) — Некоторые вопросы формирования образа жизни в трудовом многонациональном коллективе 17

ЛИЛО ШТЕЙТЦ (ГДР) — Интенсификация производства и социалистический образ жизни: проблемы взаимодействия 27

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Письмо Ж. Маркс Л. Кугельману 36

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО

Ф. И. ФИРСОВ, И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ — Коминтерн и Коммунистическая партия Польши 40

СООБЩЕНИЯ

Н. Р. АНДРУХОВ — Выборные партийные органы и их аппарат 56

Л. А. ЖУКОВА, М. Б. МИРСКИЙ — Ленинская забота о здоровье народа 67

В. А. КУТУЗОВ, О. Н. СТЕПАНОВ (Ленинград) — По поручению партии 80

К 70-ЛЕТИЮ КОМПАРТИИ ГЕРМАНИИ

ХОРСТ ДОЛЮС (ГДР) — Руководящая и направляющая сила общества 90

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Актуальное интервью

Активизировать работу историографов (Беседа с А. И. Зевелевым) 103

В. И. МИЛЛЕР — К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. 109

У ИСТОКОВ НАШЕЙ НАУКИ

Г. В. ГОРСКАЯ — Историко-партийное творчество М. Н. Лядова 119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Н. Н. РАЗУВАЕВА — К. И. Микульский, В. З. Роговин, С. С. Шаталин. Социальная политика КПСС. М., Политиздат, 1987 130

Л. К. ВИНОГРАДОВ — В. И. Ленин и библиотечное дело. Сост. К. И. Абрамов. 3-е изд., перераб. и доп. М., изд-во «Книжная палата», 1987 . . . 133

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ ПАРТИЙ БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИКОВ В 1917 г.

В. И. МИЛЛЕР,
кандидат исторических наук

Численность той или иной политической партии является одним из показателей отношения масс к этой партии. Поэтому изучение вопроса о сравнительной численности большевистских и меньшевистских парторганизаций при рассмотрении многообразных процессов, происходивших в России в начале XX в., на разных этапах, весьма важно. При этом необходимо учитывать еще одно обстоятельство. У каждой политической партии были свои принципы комплектования. Так, в партию эсеров летом 1917 г. записывались в армии целыми ротами, а в тылу — целыми деревнями. Иным было положение у социал-демократов. Как известно, большевики и меньшевики пользовались одним и тем же партийным уставом, принятым в 1903 г. на II съезде РСДРП. А в 1906 г. на IV съезде в Устав был внесен пункт, закрепивший ленинское понимание членства в партии. Поэтому, рассматривая вопрос о сравнительной численности большевиков и меньшевиков в 1917 г., мы одновременно можем сделать вывод и о степени их влияния в массах.

Об интересе исследователей к вопросу о сравнительной численности большевиков и меньшевиков на разных этапах революционного процесса в России в начале XX в. свидетельствует, в частности, статья А. И. Уткина «О росте рядов большевистской партии в 1905—1907 годах»[1]. Ее автор внимательно проследил, как менялась численность большевиков и меньшевиков в годы первой российской революции. Однако применительно к периоду подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции этот вопрос, на наш взгляд, нуждается в углубленном изучении. В научном обороте находится несколько цифр, характеризующих численность большевиков и меньшевиков на разных этапах революционного 1917 года; они переходят из работы в работу, не подвергаясь каким-либо сомнениям. Внешне все обстоит вполне благополучно. Между тем внимательное чтение, казалось бы, хорошо известных источников позволяет сделать некоторые выводы, которые могут явиться стимулом к последующим исследованиям.

Первым, кто попытался сопоставить численность партий большевиков и меньшевиков в 1917 г., был известный политический деятель и публицист Ю. Ларин (М. А. Лурье). Вскоре после вступления с группой своих сторонников в ряды партии большевиков он опубликовал в газете «Новая жизнь» сохранившую до сего времени определенное значение статью «География российской социал-демократии»[2]. В ней, основываясь на материалах VI съезда РСДРП(б) и Объединительного съезда меньшевиков, он высказал ряд интересных соображений. Так, он отметил преобладание большевиков в великорусских районах, меньшевиков — на окраинах, а интернационалистов, действовавших

---

[1] См. Вопросы истории КПСС, 1986, № 9, с. 72—83.
[2] См. Новая жизнь, 9(22) сентября 1917 г.

в рядах меньшевиков,— в «большевистской полосе», и т. д. Но одно место этой статьи заслуживает внимания и с точки зрения нашей темы. Ю. Ларин писал о «традиционном равновесии обоих крыльев российской социал-демократии». Между тем отмечаемое им сравнительное равновесие (с некоторым перевесом в пользу большевиков) не было стабильным в 1917 г. Оно, как будет показано ниже, было присуще относительно короткому промежутку времени — июлю — августу 1917 г., а до и после этого периода численность обеих партий была различна.

В дальнейшем исследователи убедительно показали, что, например, осенью большевиков в стране было уже значительно больше, чем меньшевиков. Менее изученными по ряду причин оказались процессы, связанные с численностью большевиков и меньшевиков в первой половине 1917 г. Однако «общим местом» нашей историко-партийной литературы стал тезис о том, что в течение всего 1917 года численность большевистских организаций была больше, чем меньшевистских (и той части объединенных, которые шли за меньшевиками).

Историки, изучающие процесс развития большевистских и меньшевистских организаций в 1917 г., обычно выделяют несколько хронологических рубежей и сопоставляют численность большевиков и меньшевиков на каждом из них. В качестве первого такого рубежа берут Февральскую революцию и сравнивают численность большевиков и меньшевиков после их выхода из подполья. Затем рассматривают их численность в конце апреля — начале мая, когда с небольшим разрывом во времени прошли VII (Апрельская) конференция большевиков — 24—29 апреля (7—12 мая), а затем Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций — 6—12 (19—25) мая. Следующим рубежом обычно является июль — август, когда чуть с бóльшим разрывом прошли VI съезд большевиков — 26 июля — 3 августа (8—16 августа) и Объединительный съезд меньшевиков — 19—26 августа (1—8 сентября). Наконец, завершается сопоставление октябрем — ноябрем 1917 г. Обычно здесь приводятся цифры, характеризующие численность большевистских организаций накануне и в момент проведения Великой Октябрьской социалистической революции, и данные, извлеченные из материалов Чрезвычайного съезда меньшевиков, проходившего 30 ноября — 7 декабря (12—20 декабря). На наш взгляд, эти рубежи определены верно, и в последующем изложении мы будем их придерживаться. Однако, что касается данных о численности меньшевистских организаций, вышедших из подполья, то их мы (за редкими исключениями) практически не имеем. Сама политическая аморфность меньшевизма, наличие в нем различных течений, то рассматривавших себя как часть меньшевистской организации, то исключавших себя из ее рядов (для примера назовем «плехановцев» и «новожизненцев»), делают этот подсчет крайне затруднительным.

Вместе с тем необходимо хотя бы поставить этот вопрос, так как нельзя уже больше ограничиваться хорошо известными высказываниями типа: «Революция застала наши организации разбитыми и распыленными при полном отсутствии связи между городами и промышленными центрами. Положение в этом смысле,— так говорилось в обращении ОК РСДРП к меньшевистским организациям,— было хуже, чем в худшие времена подпольного существования» [3].

В этом высказывании все правда. Действительно, число меньшевистских организаций в стране к концу февраля 1917 г. было ничтожно, связи между ними были редкими, эпизодическими. Однако не стоит сбрасывать со счетов легальную, оборонческую часть меньшевизма,

[3] Рабочая газета, 12 марта 1917 г.

сорганизовавшуюся вокруг «рабочих групп» военно-промышленных комитетов. Это течение в меньшевизме не было организационно оформлено в партийном отношении, но именно оно объединяло до Февраля наиболее активную часть меньшевиков.

Историки подчас недооценивают значение этих «рабочих групп», а ведь не следует забывать, что они действовали в 58 городах [4] (Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Ростове, Казани, Самаре, Царицыне, Перми, Екатеринбурге, Омске и т. д.), имели свой руководящий орган в виде Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, издавали свои бюллетени и даже проводили свои всероссийские совещания. Не случайно еще в 1915 г. В. И. Ленин писал о меньшевиках-оборонцах, что эта группа единственная, кроме большевиков, «имеющая серьезное влияние в России» [5]. К сожалению, мы не располагаем данными о количестве меньшевиков, действовавших в составе «рабочих групп», но, видимо, их число было достаточно велико.

Кое-кто из читателей может возразить: правомерно ли участие в «рабочих группах» считать доказательством формальной принадлежности их членов к оборонческому крылу меньшевизма? Думаю, что ответ должен быть утвердительным, и не только потому, что в качестве организаторов «рабочих групп» выступали видные деятели меньшевизма.

Как известно, в условиях самодержавного режима пребывание в рядах нелегальной организации не всегда могло быть закреплено формально. Поэтому большевики подходили к этому вопросу достаточно гибко. Так, в ленинской резолюции Поронинского совещания 1913 г. «О партийной печати» говорилось, что групповые сборы на легальную большевистскую печать «являются членскими взносами на партию» [6]. Если подойти к «рабочим группам» военно-промышленных комитетов с этой точки зрения, то мы должны будем признать, что их связи с оборонческими центрами меньшевизма были даже более тесными, чем у групп большевистски настроенных рабочих с легальной большевистской печатью кануна мировой войны. А раз так, то мы обязаны рассматривать членов и сотрудников «рабочих групп» военно-промышленных комитетов как важную составную часть меньшевистских организаций. Поэтому думаю, что бытовавшая до последнего времени точка зрения, будто меньшевизм накануне и в дни Февраля представлял ничтожную в политическом отношении силу, вряд ли верна. Да и лидеры меньшевиков, пришедшие к руководству Петроградским Советом в дни Февральского переворота, не возникли из небытия. Меньшевистская фракция Государственной думы, естественно, не являлась активной революционной силой, но и она обладала определенным влиянием на рабочие массы столицы. Так что вопрос о силах меньшевиков в первые дни после свержения самодержавия не так однозначен, как нам представлялось раньше.

С вопросом о численности большевиков к Февральской революции дело внешне обстоит более благополучно. Исследователи Всероссийской переписи членов РКП(б), проходившей в 1922 г., определили численность большевиков к началу 1917 г. в 23,6 тыс. членов [7] («в исчислении»). Эта цифра перешла затем во многие труды историков 20-х — начала 30-х годов, а затем — много лет спустя — в многотомную историю

[4] См. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984, с. 244.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 347.

[6] Там же, т. 24, с. 53. Эта же мысль проходит в ряде других ленинских работ (см., например, т. 25, с. 372, и др.).

[7] См. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. М., 1923, с. 32.

КПСС. Здесь, кстати, была сделана попытка расшифровать эту цифру, и в связи с этим указывалось, что в петроградской организации было около 2 тыс. членов, в московской — около 600, в уральских — 500, в екатеринославской — около 400, в нижегородской — свыше 300, в ростово-нахичеванской — 170, в тверской — 120—150, в иваново-вознесенской — 150—200, в харьковской — 200, в самарской — около 150, в киевской — 200, в макеевской — 180—200 человек [8]. Вместе с тем в литературе существуют и другие цифры. Так, Г. Е. Зиновьев утверждал, что после «Февральской революции партия большевиков насчитывала в своих рядах не более 10 тыс. членов» [9], а в «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорилось, что по выходе из подполья в рядах большевистской партии было не больше 40—45 тыс. человек [10]. Обе эти цифры были в дальнейшем отвергнуты исследователями. Но, на наш взгляд, и общепринятые данные (около 24 тыс.) нуждаются в анализе и уточнении.

Внимательное изучение итогов переписи 1922 г. позволяет сделать вывод о том, что названная в ней цифра «23,6 тыс.» носит оценочный характер. Вместе с тем рассматривать эту цифру, видимо, следует в сопоставлении с другими, помещенными рядом. А рядом стоят полученные таким же образом («в исчислении») данные о числе вступивших в партию в 1917 г. (101,9 тыс.) и числе выбывших из партии («за смертью» — 2,2 тыс. и «попутчиков» — 8,3 тыс.) [11]. Иными данными о числе выбывших из партии мы не располагаем, но за минувшие годы мы накопили уже достаточно много данных о том, что в 1917 г. в партию большевиков вступило не 100 тыс., а по крайней мере втрое больше. Все это заставляет нас сомневаться и в цифре «23,6 тыс.» и настаивать на необходимости дополнительного изучения вопроса.

При этом следует учитывать одно важное обстоятельство. Если авторы многотомной истории КПСС, как указывалось выше, сделали вывод, что в крупнейших большевистских организациях (Петрограда, Москвы, Урала, Донбасса, Украины и т. д.) состояло около 5 тыс. членов, то можно предположить, что в остальных организациях страны, в своей массе сравнительно малочисленных, вряд ли было больше членов. Поэтому цифра 10 тыс. человек, насчитывавшихся в большевистских организациях страны накануне Февраля, представляется вполне реальной.

Значительно большей информацией мы располагаем относительно численности большевиков и меньшевиков в апреле—мае. В докладе мандатной комиссии на Апрельской конференции большевиков указывалось, что ее делегаты представляли 79 204 члена партии [12]. С небольшим округлением (80 тыс. человек) эта цифра вошла сначала в «Краткий курс истории ВКП(б)» [13], а затем и в многотомную историю КПСС, где она сопровождалась оговоркой, что, хотя на конференции было представлено 80 тыс. членов партии, общая ее численность превышала 100 тыс. человек [14].

Вместе с тем необходимо указать и на иные цифры, существующие в литературе. В материалах Всероссийской переписи членов РКП

---

[8] См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, с. 653.
[9] Цит по: Аннин Г. П. Большевики Верхневолжья в 1917 г. Ярославль, 1983, с. 41.
[10] См. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс (далее — История ВКП(б)). М., 1938, с. 176.
[11] См. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 32.
[12] См. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 149.
[13] См. История ВКП(б), с. 180.
[14] См. История Коммунистической партии Советского Союза, Т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 70.

1922 г. для характеристики численности партии большевиков в апреле 1917 г. используются две цифры: «по исчислению — 46 тыс.», а «по другим источникам» — 40—79 тыс.[15]. Комментируя эти данные, С. Г. Струмилин писал: «Чрезвычайно гадательны и противоречивы также имеющиеся подсчеты к моменту Апрельской конференции 1917 г., когда по одним данным числилось уже до 80 тыс. членов, а по другим и, по-видимому, более правдоподобным, только 40 тыс.» [16]. В качестве источников, указывающих на эту последнюю цифру, С. Г. Струмилин называет работу А. С. Бубнова, вышедшую первым изданием в 1921 г., и еще одну брошюру, опубликованную в самом начале 20-х годов [17].

Внимательный анализ общепринятой цифры членов партии, представленных на Апрельской конференции (80 тыс.), заставляет нас прийти к выводу, что она вряд ли соответствует действительной численности большевиков в стране. Речь идет об ее возможной корректировке в двух направлениях. С одной стороны, необходимо учитывать, что на Апрельскую конференцию направили своих делегатов и объединенные социал-демократические организации с достаточно высоким удельным весом меньшевиков (Минская, Сормовская, Рижская, Тифлисская и некоторые другие). С другой стороны, важен подсчет и тех большевистских организаций и групп, которые по тем или иным причинам не были представлены на конференции. Во всяком случае, обычно приводимые данные о 100 тыс. большевиков в стране в этот период (базу которых составляют 80 тыс. членов партии, представленных на Апрельской конференции), видимо, несколько завышены. Исследование этого вопроса вряд ли можно считать завершенным.

Что же касается численности меньшевистских организаций в апреле—мае, то историки обычно используют материалы Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, на которой, по принятым данным, было представлено около 45 тыс. членов партии. Эту цифру приводят большинство авторов, но комментируют ее по-разному.

И. И. Минц считает эту цифру завышенной. Он пишет: «Если примерно половина организаций, представленных на конференции, были объединенными, а в них значительную часть (до половины) составляли большевики, то отсюда следует сделать вывод, что число меньшевиков было по крайней мере на $^1/_4$ меньше, чем число членов партии, представленных на конференции. Иначе говоря, число организованных меньшевиков в стране к маю вряд ли превышало 30—35 тыс. Конечно, следует учитывать, что на майской конференции не были представлены некоторые меньшевистские и объединенные организации, но это обстоятельство вряд ли серьезно изменит общую цифру» [18].

По-иному рассуждает Н. В. Рубан, который, правда, также считает, что эта цифра (45 тыс.— *В. М.*) не дает реального представления о численности меньшевиков в стране. Приведя ее в тексте, он в сноске указывает: «В действительности численность партии была несколько большая; на конференции не были представлены объединенные организации Кавказа, Сибири (за исключением Тюмени), тульская и одесская организации. С учетом этих организаций численность меньшевистской партии составляла примерно 50 тысяч» [19].

Касается майской конференции в своей книге и Х. М. Астрахан, но он ограничивается лишь упоминанием, что на ней было представлено 55 организаций (27 объединенных и 28 меньшевистских), насчиты-

[15] См. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 33.
[16] Там же.
[17] См. там же.
[18] Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х т. Т. 2. М., 1968, с. 122.
[19] Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968, с. 52.

вавших 44 830 членов [20]. Вопрос же о реальной численности меньшевиков в стране он даже не поднимает.

Между тем у нас есть определенные возможности для того, чтобы внести ясность в этот вопрос. Первое, с чем приходится спорить,— это с утверждением И. И. Минца, что на майской конференции было представлено всего 30—35 тыс. меньшевиков. По уточненным данным, опубликованным еще в 1917 г., на конференции были представлены 31 меньшевистская и 28 объединенных организаций общей численностью 46,7 тыс. членов [21]. Эти же данные содержат информацию о количестве членов большинства указанных организаций. В соответствии с ними 31 меньшевистская организация насчитывала 32,3 тыс., а 28 объединенных организаций — всего 14,4 тыс. Кроме того, к числу объединенных были отнесены организации Ростова-на-Дону (3 тыс. членов), Смоленска (730), Казани (400), в которые входили только меньшевики разных толков, так как в этих же городах действовали и чисто большевистские (ленинские) организации. Далее, в числе объединенных были и такие организации, в которых почти не было большевиков. Например, в Витебске в объединенную организацию входило всего несколько большевиков [22]. Таким образом, численность организаций, в которых были и большевики (в сколько-нибудь значительном количестве), не превышала 9 тыс., да и в этих организациях они составляли меньшинство. Сравнительно много большевиков было лишь в таких организациях, как Минская (1000 членов), Сормовская (600), Выборгская (562), причем две первые участвовали и в Апрельской конференции большевиков, и в майской меньшевистской конференции. Все это, на наш взгляд, может явиться основанием для предварительного вывода о том, что число большевиков, состоявших в объединенных организациях, представленных на меньшевистской конференции, вряд ли превышало 2—3 тыс., а соответственно меньшевиков было 43—44 тыс.

Вместе с тем необходимо учитывать, что ряд крупных меньшевистских организаций по тем или иным причинам не направил на майскую конференцию своих представителей. В первую очередь следует назвать меньшевистские организации Кавказа (то есть Закавказья и Северного Кавказа), которые решили не участвовать в майской конференции, так как, по их мнению, «фракционная меньшевистская конференция излишня и что необходим общий объединительный съезд» [23]. Между тем здесь с весны 1917 г. действовал один из самых крупных отрядов меньшевиков в стране — 40—50 тыс. членов [24]. По тем же причинам в майской конференции не участвовала Тульская организация РСДРП (с 3 марта по 30 мая объединенная), после распада которой в меньшевистскую организацию входило 3 тыс. членов [25], а в большевистскую — 1 тыс.[26]; Одесская, распавшаяся в июне на большевистскую и меньшевистскую (каждая примерно по 2 тыс.), и др. Не участвовали в работе майской конференции и другие объединенные организации, связанные с меньшевистским ОК: Нижне-Тагильская (2 тыс.), Ижевская (700), Роменская (400), Бердичевская, с. Богородского Нижего-

---

[20] См. Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, с. 227.

[21] Подсчет автора по: Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Пг., 1917, с. 29—32; Партийные известия, 1917, № 1, с. 28.

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 37.

[23] Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, с. 6, 29; Партийные известия, 1917, № 1, с. 27.

[24] См. подробнее: Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980, с. 108—112.

[25] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 11, л. 7.

[26] См. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 204.

родской губернии (300) и др., причем только в перечисленных выше насчитывалось около 3,5 тыс. членов [27].

Все это, на наш взгляд, дает основание для вывода, что число меньшевиков в стране в апреле—мае 1917 г. приближалось к 100 тыс., если не превышало эту цифру.

Применительно к июлю—августу обычно приводятся две цифры, основанные на материалах VI съезда РСДРП(б) и Объединительного съезда меньшевиков: 240 тыс. в рядах партии большевиков, а у меньшевиков на 40—45 тыс. меньше. Вместе с тем сюда, по нашему мнению, необходимо внести известные коррективы. Дело в том, что до того места в речи Я. М. Свердлова, где говорилось о 240 тыс. членов партии, дважды приводилась и иная цифра. Сначала, на первом заседании съезда, проходившем 26 июля (8 августа), М. С. Ольминский указал, что съезд «является представительством от 200 000 членов партии» [28], а затем Я. М. Свердлов в организационном отчете ЦК сообщил, что «мы насчитываем 162 организации с 200 000 членов партии» [29]. И только после ориентировочных подсчетов численности членов партии в областях Я. М. Свердлов сделал вывод о том, что в партии насчитывается около 240 тыс. членов [30]. Еще одну цифру дает нам доклад мандатной комиссии съезда, с которым выступал М. И. Лацис. Из него следует, что на съезде было представлено около 181 тыс. членов партии [31].

Исследования историков партии, видимо, внесут ясность в этот вопрос, но на одну неточность, допущенную Я. М. Свердловым, можно указать уже сейчас. Когда он приводил данные о численности большевиков в Петрограде, Москве, Прибалтике, Финляндии и т. д., то всюду в указанных им цифрах учтены и члены партии, входившие в местные военные организации. А затем, после сообщения о численности большевиков в отдельных регионах, он добавил к ним данные о 26 тыс. членов партии, представленных на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), проходившей в Петрограде в июне 1917 г. Таким образом, эти 26 тыс. учитываются дважды [32], а кроме того, как убедительно показал П. А. Голуб, на конференции присутствовали не только большевики, но и представители объединенных социал-демократических организаций, отнюдь не разделявших взгляды большевиков [33]. Во всяком случае, даже если принять все остальные выкладки Я. М. Свердлова, то следует определить численность партии большевиков к VI съезду примерно в 200—215 тыс. членов.

О том, что к июлю партия большевиков насчитывала 200 тыс. членов, писал в свое время и А. С. Бубнов [34], а В. В. Аникеев, проанализировавший архивные материалы о численности большевистских организаций в этот период, отмечал, что имеющиеся в его распоряжении данные подтверждают наличие «только в большевистских организациях более 222 тыс. коммунистов» [35].

Если теперь обратиться к Объединительному съезду меньшевиков, то здесь мы располагаем двумя цифрами: 193 тыс. членов, представленных на съезде к 23 августа, когда был сделан доклад мандатной комиссии, и 205 тыс. членов с учетом численности тех организаций, делегаты

[27] См. *Партийные известия*, 1917, № 1, с. 27.
[28] Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 1.
[29] Там же, с. 36.
[30] См. там же.
[31] Подсчет автора по: Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 206.
[32] Кстати, эту ошибку не повторили авторы доклада мандатной комиссии (см. там же, с. 204—207).
[33] См. Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, с. 139, 140.
[34] БСЭ. Т. 11. М., 1930, с. 99.
[35] Вопросы истории КПСС, 1958, № 2, с. 131.

которых прибыли на съезд после 23 августа [36]. Однако последняя цифра представляется нам несколько завышенной. Со съезда ушла целая группа делегатов, заявивших о своем несогласии с его оппортунистическим курсом, причем данные о численности пославших их организаций были ранее учтены мандатной комиссией. Среди них были представители двух объединенных военных организаций Западного фронта (2-й армии и 3-го армейского корпуса) общей численностью 1625 членов, объединенной социал-демократической организации Пскова (320 членов) и некоторых других [37]. Все это заставляет нас предположить, что численность действительно меньшевистских организаций, представленных на съезде, вряд ли существенно превышала 200 тыс. членов.

Здесь, видимо, необходимо сделать одно разъяснение. Сразу же после съезда к большевикам перешла группа видных меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. Лариным, а с ними — около тысячи петроградских рабочих-интернационалистов. В состав оформленной на съезде меньшевистской партии не вошли и меньшевики-новожизненцы, оформившиеся осенью в самостоятельную партию [38]. Но и те и другие участвовали в работе съезда до самого конца, и вряд ли их стоит исключать при подсчете меньшевистских сил на данном этапе развития революции.

Осенью 1917 г. положение в стране стало быстро меняться. Обострение общенационального кризиса, в ходе которого вновь выявилось, что единственной подлинно революционной силой являются лишь большевики, привело к быстрому росту их организаций. Дополнительным фактором, влияние которого необходимо учитывать, было завершение процесса размежевания в объединенных социал-демократических организациях, который в сентябре—октябре охватил и фронт.

Для суждения о численности партии большевиков накануне Октября мы располагаем несколькими цифрами. Выступая 16 (29) октября на заседании ЦК РСДРП(б), Я. М. Свердлов заявил, что в партии к этому времени состояло не менее 400 тыс. членов [39]. Вместе с тем в его же докладе на VII съезде партии (6—8 марта 1918 г.) указывалось, что по сравнению с VI съездом «число членов партии увеличилось в 1½ раза» и, «можно полагать, достигает 300 тыс. человек — это минимум» [40]. Эти слова Я. М. Свердлова заслуживают самого внимательного рассмотрения. С одной стороны, если 300 тыс. членов — это в полтора раза больше, чем имела партия в своих рядах к VI съезду, то отсюда следует, что летом 1917 г. большевистская партия насчитывала 200 тыс. членов. С другой стороны, слова Я. М. Свердлова проливают свет на вопрос о реальной численности партии большевиков накануне Октября.

За период с октября 1917 г. по март 1918 г. в рядах партии большевиков происходили определенные изменения: продолжался известный рост численности большевистских организаций, но вряд ли он был особенно значителен (наиболее активную часть пролетариата партия большевиков вобрала в свои ряды еще накануне Октября). Вместе с тем значительная часть симпатизировавших большевикам после победы Октябрьского вооруженного восстания заколебалась, испугавшись реальной необходимости проводить в жизнь политику диктатуры проле-

---

[36] См. Астрахан Х. М. Указ. соч., с. 293, 294; Партийные известия, 1917, № 3, с. 2; № 4—5, с. 1; Рабочая газета, 6 августа 1917 г.

[37] См. Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. Ч. 2. Сб. науч. трудов. М., 1977, с. 209—210; ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 14, л. 61.

[38] См. Непролетарские партии России. Урок истории, с. 291, 346.

[39] См. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 94.

[40] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенограф. отчет. М., 1962, с. 4.

тариата. В этой связи образование партии социал-демократов-интернационалистов из бывших «новожизненцев» и вступление в ее ряды группы С. А. Лозовского достаточно симптоматичны. С другой стороны, в связи с демобилизацией старой армии были ликвидированы существовавшие на фронте многочисленные большевистские военные организации. В их рядах накануне Октября, по подсчетам П. А. Голуба, состояло (без Кавказского фронта) около 50 тыс. членов и 40 тыс. сочувствующих [41]. После демобилизации часть солдат-большевиков влилась в ряды местных большевистских организаций. Но основную массу солдат составляли крестьяне; вернувшись в деревню, они зачастую не находили там большевистских организаций. В этих условиях одни, более активные, создавали новые организации, а другие, не менее увлеченные воплощением в жизнь большевистских идей, декретов Советской власти, на какое-то время отходили от собственно партийной жизни, оказывались вне партии. Поэтому вполне естественным было заметное сокращение в период с октября 1917 г. по март 1918 г. общей численности большевистских организаций. Это наше рассуждение подтверждается подсчетами ряда историков. Так, В. В. Аникеев писал в 1958 г., что, по имевшимся в его распоряжении данным, к Октябрю (то есть до ликвидации военных организаций.— *В. М.*) в партии насчитывалось 360 тыс. членов. «Хотя,— оговаривается он,— в них по ряду организаций включены данные, представленные еще к VI съезду партии» [42]. В этой связи думаю, что следует согласиться с авторами многотомной истории КПСС, которые пришли к выводу, что накануне Октября в рядах партии большевиков насчитывалось 350 тыс. членов [43].

Вопрос о численности партии меньшевиков осенью 1917 г. исследовался *нами специально* [44], и здесь хотелось бы лишь кратко изложить результаты этой работы.

В трудах советских историков, где говорится о количестве меньшевиков в стране к концу 1917 г., обычно приводится цифра 150 тыс. [45]. При этом чаще всего ссылаются на номер меньшевистского журнала «Партийные известия», вышедший в январе 1918 г. В нем, в частности, говорилось: «Несмотря на все неблагоприятные политические условия, приведшие к тому, что партия лишилась влияния на рабочие массы, она все же представляет ныне могучий организм, охватывающий свыше 150 тыс. членов» [46]. Приводя эту цифру, историки зачастую делают вывод о том, что с августа численность партии уменьшилась на 50 тыс. (то есть на 1/4).

Между тем внимательный анализ опубликованных и архивных источников позволил сделать вывод, что только на съезде было представлено свыше 143 тыс. меньшевиков. Вместе с тем на съезде не были представлены меньшевистские организации Закавказья (в которых летом 1917 г. состояло около 46 тыс. членов, а в 1918 г. численность меньшевиков только в Грузии возросла до 60 тыс.) [47], Севера Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока, а также значительной части Поволжья и Северного Кавказа. Поэтому, на наш взгляд, общая численность партии меньшевиков к осени 1917 г. вряд ли существенно

---

[41] См. Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях, с. 214.

[42] Вопросы истории КПСС, 1958, № 2, с. 131.

[43] См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1, с. 243.

[44] См. подробнее: Миллер В. И. К вопросу о состоянии партии меньшевиков осенью 1917 г.— В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М., 1980, с. 297—306.

[45] См., например: Подболотов П. Д., Спирин Л. М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988, с. 23.

[46] Партийные известия, 1918, № 8, с. 22.

[47] См. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980, с. 110, 112.

изменилась по сравнению с летом и, видимо, по-прежнему составляла около 200 тыс. членов [48].

За этой внешней стабильностью стояли достаточно сложные и неоднозначные процессы (уход от меньшевиков значительной части кадровых пролетариев, приход новых представителей городских средних слоев, оформление в рядах меньшевистской партии части сочувствовавших ей солдат и т. п.), но в данном случае для нас важен вывод: в условиях, когда ряды большевиков быстро росли, численность партии меньшевиков топталась на месте.

Полученный нами вывод важен не только сам по себе. Если в научный оборот войдут новые цифры численности большевиков и меньшевиков на разных этапах 1917 г., то несколько иными станут наши представления и о *динамике* революционного процесса. Так, если партия меньшевиков в течение 1917 г. росла сравнительно медленно (с весны до середины лета — всего вдвое), а осенью ее рост и вовсе прекратился, то партия большевиков в эти же месяцы непрерывно росла, и быстрыми темпами: только за период с июля до октября число ее членов увеличилось на 75%.

* * *

Подведем некоторые итоги. Приведенные выше данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что вопрос о численности большевиков и меньшевиков в 1917 г. нуждается в дополнительном глубоком изучении [49]. Вместе с тем хотелось бы указать на один принципиальный момент, который необходимо учитывать в ходе последующих подсчетов.

Вопрос о численности партии большевиков в 1917 г. подчас связывается с попытками выяснить, сколько большевиков насчитывалось на разных этапах революции в объединенных социал-демократических организациях. На наш взгляд, такая постановка вопроса неверна. Нельзя считать членами большевистской партии людей, состоявших вопреки указаниям ЦК в объединенных социал-демократических организациях и даже не имевших при этом своей фракционной организации (своего печатного органа, как это было у тифлисских большевиков; своего бюро, как это было в других местах). Факт пребывания в объединенной организации свидетельствовал о том, что входившие в нее большевики испытывали большее или меньшее влияние меньшевизма и уж, конечно, не могли выполнять директивы большевистских партийных центров. При этом мы имеем в виду не личное отношение тех или иных людей к ленинским идеям. Речь в данном случае идет о том, что при подсчете сил большевистской партии мы не можем считать этих людей ее членами.

Необходимо подчеркнуть, что для наиболее подготовленных участников революции был характерен именно такой подход к соотношению терминов «большевистский» и «партийный». Так, С. Черномордик (П. Ларионов), рассказывая о своей работе в Казвинском Совете в 1917 г., в частности, писал, что в его президиуме была представлена и большевистская точка зрения, но тут же уточнял: «большевистская (не партийная, ибо оформленной партийной организации не существовало на нашем фронте до самых последних дней октября)» [50]. Полагаю, что с этой точкой зрения мы не можем не считаться.

---

[48] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 306.

[49] Первая попытка была предпринята автором на научной конференции в Калинине 16—18 сентября 1986 г. (см. Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма. Материалы конференции. Т. 2. М., 1987, с. 30—41).

[50] Черномордик С. (Ларионов П.) Перед Октябрем. На далеком фронте.— Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 453.